

домашнему аресту, предоставляя им, впрочем, свободно ходить по Парижу в сопровождении жандарма. Верньо, Жансонне, Фонфред действительно остались в Париже, и Верньо пользовался своей свободой, чтобы время от времени адресовать Конвенту ядовитые послания. Остальные же бежали из Парижа с целью поднять департаменты против Конвента. Роялисты, очевидно, только этого и желали, и в скором времени восстания вспыхнули в 60 департаментах, причем жирондисты и самые крайние роялисты шли рука об руку.

В Бретани уже с 1791 г. готовился роялистский заговор, имевший цель восстановить штаты этой провинции и сословную администрацию. Тюфэн, маркиз де ла Руэри, был поставлен эмигрировавшими братьями короля во главе этого заговора. Но заговор стал известен Дантону, который поручил своему агенту, проникнувшему в центр заговора, следить за ним. Маркиз Руэри вынужден был скрываться, и в январе 1793 г. он умер в имении одного из своих друзей, где его и зарыли тайно в лесу. Тем не менее восстание, поддержанное англичанами, вспыхнуло. При помощи моряков-контрабандистов и эмигрантов, собравшихся одни на острове Джерси, а другие в Лондоне, английское правительство готовило серьезное восстание, которое должно было передать англичанам военные порты Сен-Мало, Брест и Шербург, а, может быть, также и Нант - большой торговый порт - и Бордо, соперничавший с Лондоном по своей торговле.

Часть жирондистских депутатов, изгнанных из Конвента, а именно Петион, Гюаде, Бриссо, Барбару, Луве, Бюзю и Ланжюинэ направились в Нормандию и в Бретань, чтобы стать там во главе восстания. В Кане, главном городе Нормандии, они организовали Ассоциацию соединенных департаментов, имевшую целью поход на Париж. Арестовав депутатов, присланных Конвентом, они вообще старались разжечь умы против монтаньяров. Генерал Вимпфен, командовавший войсками республики в Нормандии и ставший на сторону заговорщиков, не скрывал от них ни своих роялистских мнений, ни своего намерения искать поддержки в Англии, и жирондистские главари не порвали с ним.

К счастью, масса народа в Нормандии и в Бретани не пошла за жирондистами, роялистами и духовенством. Города стали за революцию, и восстание, побежденное в Верноне, кончилось ничем¹.

Поход горсти жирондистских главарей вдоль по глубоко взрезанным и прикрытым густой зарослью дорогам Бретани, где они скрывались от всех, не смея показаться даже в самых маленьких городках, так как их арестовали бы республиканцы, - этот поход, описанный Луве, показывает, как мало сочувствия встретили здесь жирондисты. Даже в Бретани, где Конвент не сумел расположить в свою пользу крестьян и где рекрутский набор для далекой войны на Рейне был встречен враждебно, народ не пошел за ними. Когда генерал Вимпфен захотел идти на Париж, ему удалось собрать в Кане всего несколько десятков волонтеров². Из всей Бретани собралось не более пяти- или шестисот человек, которые даже не сражались, когда встретились с ничтожной «армией», пришедшей из Парижа.

Опасность была, однако, в том, что в некоторых портах, а именно в Сен-Мало и Бресте, роялисты находили поддержку у крупных торговцев, и патриотам пришлось напрячь все свои силы, чтобы помешать сдаче Сен-Мало англичанам, как это было сделано на юге Франции с Тулоном.

Нужно в самом деле прочесть письма молодого Жюльена, 19-летнего юноши, посланного Комитетом общественного спасения в Бретань как военный комиссар, или же письма Жанбона-Сент-Андре - одного из членов Конвента, посланного на театр войны, чтобы понять, как ничтожны были материальные силы республики и насколько зажиточные классы готовы были поддерживать иностранное вторжение. Все было приготовлено в Сен-Мало, чтобы сдать англичанам эту крепость, вооруженную

¹ Боевая песнь жирондистов называлась «Гражданский гимн бретонцев, идущих против анархии». Ее дал Гюаде в примечании к «Запискам Бюзю» (*Buzot F. Memoires sur la Revolution francaise. Paris, 1828, p. 68-73, note*). Вот один из ее куплетов:

С высоты трона, воздвигнутого его преступлениями,
Робеспьер, опьяненный кровью,
Указывает пальцем на свои жертвы
Ревущему анархисту.

Эта «Марсельеза жирондистов» требовала смерти Дантона, парижского мэра Паша, Марата, и ее припев был:
Война и смерть тиранам,
Смерть апостолам избиения!

При этом сами они требовали, конечно, избиения революционеров и готовили его.

² Смотр, о котором говорила на суде Шарлотта Корде и на который будто бы собрались тысячи человек, был выдумка, вероятно, с целью запугать парижан.